

И. С. Панов о предпосылках Казымского восстания

М. Ф. Ершов

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация,
mfershov@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья посвящена изучению Казымского мятежа в творчестве И. С. Панова. Этому восстанию, памяти о нём принадлежит особое место в этнической истории и современной самоидентификации обских угров. В последнее десятилетие в историографии восстания, как и истории советского Севера в целом, наметился интерес к проблеме их отражения в общественном сознании предвоенной эпохи, к проблеме образов, связанных с процессом советизации, поддержки советских преобразований и сопротивления им.

В русле этого интереса находится и данное исследование представлений советского писателя «второго плана» И. С. Панова, чья творческая, личная судьба оказалась во многом обусловлена именно работой над северной темой, выбором гражданской позиции по отношению к советским преобразованиям и отношением к Казымскому восстанию как мятежу.

Цель: выявить представления И. С. Панова о причинах Казымского восстания в контексте его понимания советских преобразований на Севере предвоенной эпохи.

Материалы исследования: произведения И. С. Панова, информация из фондов Объединённого музея писателей Урала.

Результаты и научная новизна. На примере творчества сторонника советской модернизации И. С. Панова представлено отношение писательского сообщества к преобразованиям на Обском Севере в 1930-е гг., сочетавшее поддержку социалистических преобразований с критикой «отдельных недостатков».

И. С. Панов, одновременно, проводник официальной политики и, фактически, её жертва, в своих произведениях совмещал возвеличивание новаций с умалчиваниями о фактах репрессий, причины сопротивления советским преобразованиям сводились им к злой воле врагов и частным ошибкам энтузиастов. Такая трактовка не выдержала столкновения с реальной действительностью, вызвала творческий кризис и отказ писателя от продолжения писательского труда, литературной деятельности. Геройская смерть на войне стала своеобразным искуплением лжи во имя революционных социалистических идеалов переустройства Севера. Трагическая судьба Панова побуждает обратиться к исследованию типичных для предвоенного периода мировоззренческих установок писавших о Севере советских писателей, чьи голоса составляли заметный спектр советского северного дискурса в целом. Статья представляет собой первый опыт осмысления причин Казымской трагедии в творчестве И. С. Панова.

Ключевые слова: аборигены и советская модернизация, северный дискурс и его официальные образы, предпосылки Казымского восстания в представлениях И. С. Панова.

Для цитирования: Ершов М. Ф. И. С. Панов о предпосылках Казымского восстания // Вестник угроведения. 2024. Т. 14. № 1 (56). С. 174–181.

I. S. Panov about the prerequisites of the Kazym Rebellion

M. F. Ershov

*Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation,
mfershov@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article is devoted to the study of the Kazym rebellion in the creative work of I. S. Panov. This rebellion and the memory about it have a special place in the ethnic history and modern self-identification of the Ob Ugrians. In the last decade, the historiography of the rebellion, as well as the history of the Soviet North as a whole, has shown interest to the problem of their reflection in the public consciousness of the pre-war era, to the problem of images associated with the process of Sovietization, support for Soviet transformations and resistance to them.

In line with this interest is this study of the ideas of the Soviet writer of the “second plan” I. S. Panov, whose creative and personal fate was largely determined by his work on the northern theme and the choice of a civil position in relation to the Soviet transformations and to the Kazym rebellion.

Objective: to identify the author’s vision of the causes of the Kazym rebellion in the context of his ideas about Soviet transformations in the North of the pre-war era.

Research material: works by I. S. Panov (the stories “The War on Kazym. Notes of the Teacher” and “In the Far North”, the novel “The Urman”, short stories), and information of the funds of the United Museum of Writers of the Urals.

Results and novelty of the research: using the example of the creative work of I. S. Panov, a supporter of Soviet modernization, the attitude of the writing community to the transformations in the Ob North in the 1930s is presented, combining support for socialist transformations with criticism of “individual disadvantages.”

I. S. Panov, at the same time, the supporter of official policy and, in fact, its victim, in his works he combined the exaltation of innovations with silence about the facts of repression. The reasons for resistance to Soviet transformations were reduced to the evil will of enemies and the private mistakes of enthusiasts. Such an interpretation could not withstand a collision with reality, caused a creative crisis and the writer’s refusal to continue writing and literary activity. The heroic death in the war became a kind of atonement for lies in the name of the revolutionary socialist ideals of the reconstruction of the North. Panov’s tragic fate prompts us to turn to the study of the ideological attitudes typical of the pre-war period of Soviet writers who wrote about the North, whose voices made up a noticeable spectrum of the Soviet northern discourse as a whole. The article represents the first experience of understanding the causes of the Kazym tragedy in the works of I. S. Panov.

Key words: aborigines, Soviet modernization, Northern discourse and its official images, prerequisites of the Kazym Rebellion in the views of I. S. Panov

For citation: I. S. Panov about the prerequisites of the Kazym Rebellion // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2024; 14 (1/56): 174–181.

Введение

В статье в контексте представлений о Советском Севере писателя И. С. Панова анализируется конструирование литературой предвоенной поры образов меняющегося Севера и коренных народов. Произведения И. С. Панова, посвящённые Северу, касаются и причин Казымской трагедии. У этого литератора принципиальные расхождения с официальным курсом партии большевиков отсутствовали. Однако реальная действительность вынуждала его как-либо объяснять негативные стороны советских преобразований. Изучение взглядов писателя создаёт возможности расширения наших знаний о советском северном дискурсе, в центре которого находилась тема преобразований, тема «большого путешествия» коренных народов к социализму. Заявленная тема требует характеристики:

- идейных убеждений И. С. Панова;
- понимания социалистической модернизации Севера и проблем её реализации;
- представлений о коренных народах Севера – друзьях и врагах.

На современную историографию Казымского восстания немалое влияние оказали литературные произведения. Наиболее яркое из них – роман Е. Д. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах» [1]. Его публикация породила повышенный интерес к Казыму среди исследователей. Историки [8; 9; 10], в том числе зарубежные [12; 26; 27; 28; 29], этнографы [2; 4; 21; 25] подвергли анализу значительный массив сведений о восстании. Постепенно в научных работах внимание начало смещаться на образы восстания в социальной памяти, художественных

текстах и визуальных образах [4; 6; 7; 11; 21, 140–143; 22; 23]. При этом вне рассмотрения остаются произведения, написанные собственно в предвоенную эпоху, по «горячим следам», так или иначе вписывавшиеся в общий советский северный дискурс, популяризовавшие его смыслы в художественной форме. Бесспорно, что произведения И. С. Панова в полной мере относятся к этому ряду. Исследование его творчества сегодня кратко представлено только лишь в статье Ю. С. Подлубновой [22], что не отменяет необходимости дальнейших изысканий.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили художественные произведения И. С. Панова [16; 17; 18; 19; 20] и документальные источники из личного фонда в Объединённом музее писателей Урала (ОМПУ). В качестве дополнительных сведений приведены краеведческие материалы об уральских писателях и местной литературной среде [3; 13; 14; 16].

При работе были использованы методы описания, анализа, обобщения, а также биографический метод.

Результаты

Иван Степанович Панов родился в 1899 г. в деревне Мокино Пермской губернии в семье крестьянина. Самостоятельную трудовую деятельность начал с четырнадцати лет. В 1916 г. он экстерном сдал экзамены на звание учителя и трудился в земской школе. В 1918 г. И. С. Панов вступил в РКП(б) и записался добровольцем в Красную Армию. Воевал¹. В 1920-е гг.

¹ ОМПУ Ф. 8. Д. 3915/3.

И. С. Панов занимался политической работой, служил в уездном военном комиссариате и боролся с повстанцами, причём, оказавшись в плену, был изрублен саблями, чудом выжив и став инвалидом¹. Далее он учился три года в Урало-Сибирском коммунистическом университете², работал в тобольской газете «Северянин» и в свердловском «Уральском рабочем».

Он – один из организаторов литературного движения на Урале. В 1929–1932 гг. И. С. Панов руководил Свердловской, далее Уральской писательскими организациями. Был в нескольких командировках на Севере³. Собранный им материал стал основой для ряда очерков и романа «Урман». В 1942 г. Панов попадает на фронт. Он получил тяжёлое ранение и умер в этом же году. Скупые биографические данные не способны полноценно передать накала страстей той эпохи. Его отец – противник учёбы сына, но в Красную армию отец, на своей лошади, ушёл добровольцем и был убит на Гражданской войне. Мать будущего писателя подвергалась издевательствам колчаковцев. Супругой И. С. Панова в его первом браке стала бывшая дворянка и вдова белогвардейского офицера. У юной (17 лет) беременной женщины на её глазах красные зарубили мужа. И. С. Панову предъявляли политические обвинения, его тестя расстреляли в годы Большого террора [16, 38–40].

Вне сомнения, И. С. Панов – убеждённый сторонник Советской власти и проводимых переустройств. Как солдат партии, он вполне искренен в зачастую негативных оценках своих коллег, при допросах в НКВД [3]. Стоит признать, что литературная жизнь, с сомнением литераторов, с борьбой за привилегии и гонорары, провоцировала немало конфликтов [13]. Панов, как руководитель писательской организации, был вынужден их разбирать. Ещё одна проблема – цензурные ограничения. Модернизационная лихорадка провоцировала, как в то время говорили, «перегибы». Противоречия между тем, что видел Панов, и тем, что он воспроизводил в официальной печати, не могли не вызвать внутреннего дискомфорта.

Одной из попыток преодоления негативного состояния стало для писателя обращение к новой тематике, точнее – к Северу. Считалось, что на окраинах во многом отсутствовали

социальные препятствия для преобразований к лучшему. Невысокий уровень экономического развития отдалённых территорий позволял добиться сравнительно быстрых положительных результатов. В очередной раз в нашей стране воспроизводился традиционный дискурс о «наивном дикаре», которого обязательно необходимо переделать в положительную строку, особо не интересуясь его мнением, лучше зная, что ему требуется. Далее ожидалось, что благодарные аборигены с радостью присоединятся к трудовым свершениям своих учителей.

В художественных произведениях И. С. Панова о жизни на Севере имеется некая деталь, характерная для времени, в котором он жил. В рассказе «Дикарь» представленный автором «идеальный» пастух-ненец Окодетто внезапно догадывается, что весной важеньки бегут к местам отёла [19, 17–26]. Ещё более «уникально» открытие Зуйка, куратора бригады рыболовов в Обской губе (рассказ «Магнитная стрелка»). Он узнаёт, что «зимой рыба залегает на глуби, в ямах, а к весне всё ближе жмётся к берегу» [19, 31]. Присутствие наивных моментов не есть лишь досадные погрешности И. С. Панова. Они вполне закономерны.

В обществе властвовало убеждение, что энтузиазм строителей нового мира позволит быстро найти нужные и достаточно простые решения. Однако такая логика часто приводила к отрицательным результатам. К чести И. С. Панова, он, пусть и непоследовательно, фиксировал в творчестве негативные моменты. Бригада Зуйка наловила много рыбы, но не сумела сохранить добычу [19, 32]. Нечто подобное происходит с А. Диким, главным героем повести «На далёком Севере». Преодолев множество препятствий, в том числе со стороны редактора окружной газеты Реполова, герой организовал успешный подводный лов рыбы. Но оказывается, что фактория не готова принять большие объёмы добычи; улов обречён на гниение [18].

По мнению многих, основная проблема была не в недостатке опыта или технической сложности, но в сопротивлении, косности и эгоизме противников и попутчиков. Энтузиастов следовало поддерживать, а оппонентов, напротив, разоблачать, отстранять, наказывать. Ярким примером такого подхода является повесть И. С. Панова «Изобретатель

¹ ОМПУ Ф. 8. Д. 3903/28

² ОМПУ Ф. 8. Д. 3903; 3903/34; 3903/35.

³ ОМПУ Ф. 8. Д. 3915/6.

Сарапулкин» (1932 г.), в которой простой рабочий «пробивает» важное техническое изобретение [17]. В романе «Урман» И. С. Панов последовательно делит персонажей на недобитых эксплуататоров и сторонников модернизации (она понимается, как создание новых предприятий, городов, колхозов, культбаз). К первым относятся аборигенная родоплеменная знать, кулаки и русские торговцы, ко вторым – бедняки, трудящееся население.

Оптимизмом и верой в будущее проникнуто выступление Антона Чупина, руководителя-большевика: «Пройдёт немного лет, – в стране запылают домны, придут в движение сотни тысяч и миллионы станков. Машины, целые фабрики мы дадим не только промышленности, но и сельскому хозяйству. Мы зальём электрическим светом страну. И наш, поседевший от старости, ослепший в темноте Север проснётся от этих огней. Оживёт старушка Обь. На её берегах вырастут фабрики и заводы, рабочие посёлки, её могучую грудь вспенят моторы. Мы заставим служить нам воздух. Сейчас у нас первая прилётная птица – ворона. По ней мы узнаём близость весны. Но настоящую весну мы почувствуем только тогда, когда круглый год над Обью будут летать самолёты. Сейчас это кажется фантазией, сном, но завтра будет явью. Горе тем, кто не верит в наше будущее. Оно, будущее, безжалостно раздавит их. За работу, товарищи!» [20, 343].

Энтузиазмом преисполнена и главная героиня повести «Война на Казыме. Записки учительницы». Она едет на Север из Ленинграда. После десяти дней ожидания в Тюмени следует речной маршрут. Движение парохода, по инерции, видится ей как продолжение железной дороги на Севере, которую соорудят ещё нескоро: «...Пассажирский поезд рассекает воздух. Восточный ветер веет в тамбурах, сыплет в окна паровозную сажу. Мимо паровоза плывут (так кажется с палубы) многоцерковный Тобольск, тихое Самарово, одинокие деревни, подстриженный под бобрлик береговой тальник» [19, 40].

У приезжей учительницы достаточно мужества, чтобы не бояться суровых условий на культбазе, строящейся в урмане: кровососущего гнуса, отсутствия жилья, далёких и опасных путешествий по болотной местности. Но важнейшие проблемы молодого учительского коллектива здесь не бытовые. Они находятся в сфере традиционной культуры. Местное

аборигенное население не стремится отдавать своих детей в интернат на культбазе. И сопротивление нововведениям практически повсеместное. Мастер детали, И. С. Панов представляет сюжеты, в которых коренные жители отвергают усилия агитаторов, требующих согласия родителей. В одной из сцен, как только пришлые педагоги переступили порог маленькой юрты, «старуха и молодая женщина закрылись платками. Ребятишки с рёвом полезли в углы. Женщины на нас кричали и забрасывали оленьими постелями. Пробовали заговорить, – женщины ответили нам молчанием» [19, 49].

Но ещё хуже обстояли дела с обучением детей аборигенов. «Неожиданно» выяснилось, что в школе нет учебников, что дети почти не знают русского, а педагоги – местного языка. [19, 58–59]. Перед писателем И. С. Пановым встала нетривиальная задача. После перечисления трудностей, которые объективно существовали, следовало показать и их преодоление. Для повести, цель которой заключалась в художественном обосновании необходимости социалистических преобразований и перехода ко всеобщей грамотности, требовались не столько положительные, сколько профессионально реализовавшиеся герои. И писатель, как мог, их создал.

Приезжая учительница из «Войны на Казыме» оказалась среди идеальных персонажей. Ей и другим педагогам интерната, всё удаётся совместно с детьми. Они исправили поведение обрусевшей уборщицы Матрёны Кондыгиной. Они добились увольнения браконьера завхоза Макушина и изгнали приспособленца заведующего факторией Саньку. Они же успешно развели пришкольный огород с луком, капустой, картошкой и огурцами. «Ребята привыкли мыться, не плюют на пол, не кладут под подушку грязные портянки, стригут ногти. Детям предоставляется полнейшая инициатива и самостоятельность. Организовали школьный комитет, который следит за порядком, ведёт дежурства в классе, интернате и на кухне. К весне стали выпускать стенгазету» [19, 59]. Благодаря каким педагогическим усилиям и методам были достигнуты все эти успехи, в «Записках», однако, не сообщается.

Успехи культбазы на Амне и школы при ней явились частью большого общего наступления на устаревшее: «Но вот пошла слава, народ заговорил, что в Самарове строят большой город, в котором будет сидеть большая власть:

– Округ Куся ханты – манси!..» [19, 59].

Идеальный персонаж из аборигенов, старик Спиридон начинания учителей в целом поддерживает. Он побывал в Самарово, где неподалёку от старого села строится столица Округа. Старик увидел стройку и рыбоконсервный комбинат, посмотрел взлёт самолёта, участвовал в соревнованиях по стрельбе и узнал, как делают газету, и понял, что такие как он, являются хозяевами Округа [19, 72–74]. Позиция Спиридона и позиция партийного вожака Антона Чупина из «Урмана» близки между собой и идеологической окраской, и тем умолчанием, что им задал автор. Спиридон из «Записок учительницы» не задаётся вопросом о строителях столицы Округа. Чупина не интересует, откуда появились рабочие культбазы на Тасьме. Он озабочен их завшивленностью. Она может привести к вспышке тифа, а значит и к срыву грандиозных планов [20, 416, 420].

Не случайно, что отрицательный персонаж (и оппонент Чупина) Алферов ядовито фиксирует, что «в районе только один кадровый рабочий – это монтёр телефонной станции...» [20, 345]. Последующие отсылки на местные трудовые ресурсы не создают ощущения убедительности. И. С. Панов конечно же ведал, что большинство строителей новой жизни в Округе – раскулаченные крестьяне, сосланные на Обский Север, но соблюдал официальную линию на умолчание о принудительных работах на стройках социализма. Однако в его умозрительные конструкции, периодически врывались отнюдь не благодные суровые реалии, о которых приходилось как-либо упоминать. Одна из них это Казымское восстание.

Исследователи этой трагедии выделили ряд причин недовольства аборигенного населения, которые затем переросли в восстание. Среди них были «стержневые»: это увеличение размеров налогообложения и принудительное комплектование школы-интерната учащимися. Кроме того, к началу 1930-х гг. аборигены Севера фактически утратили самоуправление, а власть не считалась с их религиозными чувствами [9, 85–86]. Первый этап восстания был связан с событиями на культбазе [9, 51–62]. И в повести И. С. Панова, и в реальной жизни, родители забрали большинство детей из интерната в декабре 1933 г.

Однако Пановым проблемы сводятся к двум моментам: действиям Никиты Алача, кулака и перекупщика Васьки Турыма и ошибкам педагогов при наборе контингента учеников.

У Турыма падают доходы от появления культбазы. Он обманом подбивает наивных сородичей, чтобы они увезли детей из интерната. Ещё один фактор, по Панову, – непонимание учителями аборигенов. Педагоги потребовали от родителей письменных обязательств о доставлении ребёнка в школу. Заведующий интернатом Бобин, один из персонажей повести, причину неуспеха считает в том, что действия учителей похожи на «времена попов и миссионеров. Ведь те тоже отбирали подписки о добровольном присоединении язычника к православной греко-русской церкви...» [19, 67].

При поверхностности объяснений Панова, он, может быть, и сам этого не осознавая, обозначил социально-психологические аспекты мотивации молодого коллектива педагогов. Они – миссионеры, озабоченные приобщением местных жителей к познанию истины, причём в её светском (советском) варианте. И без этой истины (рациональных знаний) будущее немислимо. Повесть И. С. Панова отображала мировоззрение «миссионеров» и их ориентацию на жертвенность. Этот энтузиазм, с большой вероятностью, вёл к гибели части героев, однако он не останавливал поступательного движения.

Имеется также ряд параллелей между большевистским порывом нести свет народам Севера и стараниями этнографов. В очерках Р. П. Митусовой, одной из первых женщин-этнографов, имеется сцена камлания у ненцев. Шаман Паята должен узнать у духов, что за гостью к ним пожаловала. Его действия вызывают страх у исследовательницы, но Паята объявляет её «большим лекарем» [15, 11–12]. И нечто подобное происходит при записи в школу в «Войне на Казыме». Никита Алач оказывается на грани адекватности, понимая, что проиграл спор с учительницей: «Старик багровел. Я с нескрываемым злорадством следила, как меняется выражение его лица. Взгляд дикий, глаза потеряли цвет, все мускулы начали дергаться» [19, 55]. Учительница подозревает, что Алач – шаман, он же признаёт, что «русская баба» из другого мира оказалась хитрее его.

Как полагают А. Н. и В. В. Семёновы, произведение «социалистического типа культурного сознания оптимистичны, даже если главные герои гибнут или терпят поражение. За этими героями всегда остаётся правда и вера в то, что победа сил зла лишь временное явление, которое обязательно будет устранено в процессе исторического развития» [24, 425–426].

В завершении повести «Война на Казыме», Спиридона, уверовавшего в новые идеалы, нашли убитым стрелой из лука с таинственными зарубками. Заведующий факторией растолковал знак учительнице:

– Война вам объявлена, Анна Николаевна!

– Ну, что ж, повоюем. Воевать будем не с Приказымьем, а с Турымами и Алачами [19, 77].

В определённой мере новые миссионеры изначально так и воспринимают свои действия. Шаманские ценности будут вытеснены. На смену им приходят противоположные смыслы. Большевик Антон Чупин узнав, что на языке хантов слово «культбаза» близко к имени злого духа Куля (чёрта), почти в восторге от такой омонимичности:

– Как?! – воскликнул Чупин. – Как будто внезапно вспыхнувший свет озарил его. – Чёртова база? Культ – черт. Значит, чёртова база... [20, 341].

Его бравада с созвучиями в двух названиях близка к военной пропаганде – допустимо использовать то, чего боятся представители традиционной культуры и, в особенности, шаманы. Но подобные тактические успехи в «войне» образов против темноты и невежества имели склонность органично перерастать в уже реальное кровопролитие с обеих сторон. Что и случилось на Казыме.

Продолжение – непосредственно история восстания – так и не было написано. Пришло иное. Оказалось, что надо платить за преобразования. Причём не только крестьянам, рыбакам и охотникам Севера, но и тем, кто обосновывал успехи сталинской модернизации. Разрастающийся террор в середине 1930-х гг. охватил и литературные круги. Шла волна арестов. О том, как обострённо переживал распад идеалов и трагические события И. С. Панов, косвенно свидетельствуют фак-

ты его биографии. Он отходит от писательского труда, создаёт новую семью и, несмотря на состояние здоровья, добивается в 1942 г. отправки на фронт. Его, человека, с опытом литературной работы и высшим образованием, зачислили рядовым в сапёрный батальон. Вопреки уговорам, И. С. Панов отказался перейти в дивизионную газету, оставшись на опасной передовой, где и погиб под Сталинградом [16, 50].

Обсуждение и заключение

Повесть «Война на Казыме» стала для И. С. Панова художественным объяснением преобразований жизни на Севере, причин восстания аборигенов и фактическим оправданием последующих репрессий. И. С. Панов выступает в своих произведениях как проводник линии партии, как последовательный сторонник официального курса, воспевавший ценности советской модернизации.

Признавая частные ошибки властей (порядок комплектования школы учениками) при объяснении причин Казымской трагедии, И. С. Панов делает акцент на провокационных действиях врагов. В ряду факторов восстания он называет враждебные действия шамана Никиты Алача, торговца Васьки Турыма, выдуманное убийство мифического старого Спиридона, ставшее в его представлении катализатором дальнейших кровавых событий. Художественно верно ухваченный оптимизм созидания застит глаза, его оборотная сторона – навязывание чужой культуры, насилие властей либо остаются за пределами внимания писателя, либо оправдываются им. В этом проявилась особенность советского просвещения второй половины 1930-х гг., призванного вырвать народы Севера из «первобытного состояния», привести их к победе социализма.

Список источников и литературы

1. Айпин Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах. Екатеринбург: Пакрус, 2002. 302 с.
2. Богордаева А. А., Лискевич Н. А. После Казымского мятежа: об одном отчёте по сбору оперативной информации у сосвинских манси в 1934 г. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. № 2 (61) С. 180–189.
3. Голдин В. Н. Узорщики слова и проба пера. Документальная повесть. Екатеринбург: Старт, 2002. 160 с.
4. Головнёв А. В. Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 606 с.
5. Головнёва Е. В. «Киноатлас СССР»: учебно-географический фильм «Западная Сибирь» (1937) // Исторический курьер. 2022. № 5 (25). С. 40–49.
6. Граматчикова Н. Б. Близнечный миф озера Нумто: Казымское восстание в художественной прозе и эго-документах // Кунсткамера. 2021. № 1 (11). С. 130–146.
7. Граматчикова Н. Б. Озеро Нумто: «Я полюбил эту могилу...»: События на озере Нумто в «чекистском эпосе» и эго-документах // Чужими голосами: Память о крестьянских восстаниях эпохи Гражданской войны / под ред. А. В. Кравченко, Н. А. Ломакина. М.: НЛЮ, 2023. С. 194–237.
8. Ерныхова О. Д. Казымская культурная база как социальный эксперимент Советского государства // Вестник ТюмГУ. Гуманитарные исследования. 2010. № 1. С. 101–108.

9. Ерныхова О. Д. Казымский мятеж: (Об истории Казымского восстания 1933–1934 гг.). Ханты-Мансийск: ИЦЦ ЮГУ, 2010. 212 с.
10. Ерныхова О. Д. Революция, Гражданская война и протестное движение глазами народов Югры // Академическая история Югры: в 8 томах. Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2024. Т. 6: Югра в 1917–1953 гг.: на пути модернизации. С. 584–591.
11. Ершов М. Ф. Литературный текст как историко-этнографический источник: по материалам произведений писателей Югры, Урала и Южной Сибири. Ханты-Мансийск: Сити-пресс, 2015. 206 с.
12. Леэте А. Казымская война: Восстание хантов и лесных ненцев против советской власти. Тарту: [б. и.], 2004. 286 с.
13. Лукьянин В. П. Структурирование литературной жизни Урала под влиянием организационных форм, принесённых партийными и государственными органами // Литература Урала: история и современность. Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УрО РАН, 2006. С. 38–48.
14. Мальшев С., Антипин В. Палач // Иная газета (г. Березники). 2009. От 2 апреля.
15. Митусова Р. Год среди лесного народа // Вокруг света. 1929. № 11. С. 10–13.
16. Панов В. И. Иван Панов. Последние годы жизни (1939–1942 гг.). Екатеринбург: [б. и.], 2009. 60 с.
17. Панов И. С. Изобретатель Сарапулкин. Очерк // Штурм. 1932. № 2–3. С. 46–66; № 4. С. 18–42.
18. Панов И. С. На далёком Севере. Свердловск: Кн. изд-во, 1953. 151 с.
19. Панов И. С. Рассказы и повести. Молотов: Молотовгиз, 1950. 286 с.
20. Панов И. С. Урман. Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1965. 431 с.
21. Перевалова Е. В. Остяко-вогульские мятежи 1930-х гг.: Были и мифы // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. Т. 10. № 1. С. 131–146.
22. Подлубнова Ю. С. Изображение малых народностей Севера в урало-сибирских травелогах 1930-х гг. // Медиалингвистика. Сборник материалов I Международной научно-практической конференции. СПб.: Государственный университет. 2016. С. 242–244.
23. Подлубнова Ю. С. Малые народы Севера в травелогах уральских писателей 1930-х годов // Медиалингвистика. 2017. № 3 (18). С. 77–89.
24. Семёнов А. Н., Семёнова В. В. Типы культурного (художественного) сознания. СПб.: Издательская программа АПИ, 2010. 484 с.
25. Golovnov A. V., Osherenko G. Siberian Survival: The Nenets and Their Story. Ithaca; New York: Cornell University Press, 1999. 176 p.
26. Leete A. Religious Revival as Reaction to the Hegemonization of Power in Siberia in the 1920s to 1940s. // Asian Folklore Studies. 2005. Vol. 64. Pp. 233–245.
27. Leete A. The Role of Customary Law in the Kazym War: Women and Sacred Rules // Studies in Folk Culture. Tartu: Tartu University Press, 2003. Vol. 1. Pp. 23–45.
28. Leete A. Reconsidering the Role of Shamans in Siberia during the Early Soviet Era // Shaman. 2015. Vol. 23. № 1–2. Spring/Autumn. Pp. 89–108.
29. Toulouze E., Vallikivi L., Leete A. The Culture Bases in the North: Sovetisation and Indigenous Resistance // Northern Studies Monographs. Umeå University, 2016. URL: <https://hal-inalco.archives-ouvertes.fr/hal-01275689> (дата обращения: 27.02.2024).

References

1. Aypin E. D. *Bozh'ya mater' v krovavykh snegakh* [The Mother of God in the Bloody Snows]. Yekaterinburg: Pakrus Publ., 2002. 302 p. (In Russian)
2. Bogordaeva A. A., Liskevich N. A. *Posle Kazym'skogo myatezha: ob odnom otchete po sboru operativnoy informatsii u sos'vinskikh mansi v 1934 g.* [After the Kazym rebellion: about one report on the collection of operational information among the Sosva Mansi people in 1934]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography], 2023, no. 2 (61), pp. 180–189. (In Russian)
3. Goldin V. N. *Uzorshchiki slova i proba pera. Dokumental'naya povest* [Patterns of the word and a test of the pen. Documentary story]. Yekaterinburg: Start Publ., 2002. 160 p. (In Russian)
4. Golovnyov A. V. *Govoryashchiye kul'tury: Traditsii samodiytsev i ugrov* [The Speaking Cultures: Traditions of the Samoyeds and Ugrians]. Yekaterinburg: UrO RA Publ., 1995. 606 p. (In Russian)
5. Golovnyova E. V. “Kinoatlas SSS”»: *uchebno-geograficheskiy fil'm “Zapadnaya Sibir” (1937)* [“Cinema Atlas of the USSR”: educational and geographical film “Western Siberia” (1937)]. *Istoricheskiy kur'yer* [Historical Courier], 2022, no. 5 (25), pp. 40–49. (In Russian)
6. Gramatchikova N. B. *Bliznechnyy mif ozera Numto: Kazym'skoye vosstaniye v khudozhestvennoy proze i ego-dokumentakh* [The “Twin Myth” of Lake Numto: Kazym rebellion in fiction and ego-documents]. *Kunstkamera* [Kunstkamera], 2021, no. 1 (11), pp. 130–146. (In Russian)
7. Gramatchikova N. B. *Ozero Numto: “Ya polyubil etu mogilu...”: Sobytiya na ozere Numto v “chekistskom epose” i ego-dokumentakh* [Lake Numto: “I fell in love with this grave...”: Events on Lake Numto in the “Chekist epic” and ego-documents]. *Chuzhimi golosami: Pamyat' o krest'yanskikh vosstaniyakh epokhi Grazhdanskoj vojny* [By other voices: Memory of the peasant uprisings of the Civil War Era]. Moscow: NLO Publ., 2023. Pp. 194–237. (In Russian)
8. Ernykhova O. D. *Kazym'skaya kul'turnaya baza kak sotsial'nyy eksperiment Sovetskogo gosudarstva* [Kazym cultural base as a social experiment of the Soviet state]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya*, [Bulletin of Tyumen State University. Humanities Studies], 2010, no. 1, pp. 101–108. (In Russian)

9. Ernykhova O. D. *Kazymskiy myatezh: (Ob istorii Kazym'skogo vosstaniya 1933–1934 gg.)* [Kazym rebellion: (About the history of the Kazym rebellion of 1933–1934)]. Khanty-Mansiysk: IZZ YUGU Publ., 2010. 212 p. (In Russian)
10. Ernykhova O. D. *Revolutsiya, Grazhdanskaya vojna i protestnoye dvizheniye glazami narodov Yugry* [Revolution, Civil War and protest movement through the eyes of the peoples of Yugra]. *Akademicheskaya istoriya Yugry: v 8 t.* [Academic history of Yugra: in 8 vol.]. Khanty-Mansiysk: Novosti Yugry Publ., 2024. Vol. 6: *Yugra v 1917–1953 gg.: na puti modernizatsii* [Vol. 6: Yugra in 1917–1953: on the path of modernization]. Pp. 584–591. (In Russian)
11. Ershov M. F. *Literaturnyy tekst kak istoriko-etnograficheskiy istochnik: po materialam proizvedeniy pisateley Yugry, Urala i Yuzhnoy Sibiri* [Literary text as a historical and ethnographic source: based on materials of the works of writers of Yugra, the Urals and Southern Siberia]. Khanty-Mansiysk: Siti-press Publ., 2015. 206 p. (In Russian)
12. Leete A. *Kazym'skaya vojna: Vosstaniye khantov i lesnykh nentsev protiv sovet'skoy vlasti* [The Kazym War: Revolt of the Khanty and Forest Nenets against Soviet power]. Tartu: [w/p], 2004. 286 p. (In Russian)
13. Lukjanin V. P. *Strukturirovaniye literaturnoy zhizni Urala pod vliyaniyem organizatsionnykh form, privnesennykh partiynymi i gosudarstvennymi organami* [Structuring the literary life of the Urals under the influence of organizational forms introduced by party and government bodies]. *Literatura Urala: istoriya i sovremennost* [Literature of the Urals: history and modernity]. Yekaterinburg: In-t istorii i arheologii UrO RAN Publ., 2006. Pp. 38–48. (In Russian)
14. Malyshev S., Antipin V. *Palach* [The Executioner]. *Inaya gazeta (g. Berezniki)* [Another Newspaper (Berezniki)], 2009, April 02. (In Russian)
15. Mitusova R. *God sredi lesnogo naroda* [One year among the forest people]. *Vokrug sveta* [Around the World], 1929, no. 11, pp. 10–13. (In Russian)
16. Panov V. I. *Ivan Panov. Posledniye gody zhizni (1939–1942 gg.)* [Ivan Panov. Last years of life (1939–1942)]. Yekaterinburg: [w/p], 2009. 60 p. (In Russian)
17. Panov I. S. *Izobretatel Sarapulkin. Ocherk* [Inventor Sarapulkin. Essay]. *Shturm* [Assault], 1932, no. 2–3, pp. 46–66; no. 4, pp. 18–42. (In Russian)
18. Panov I. S. *Na dalyokom Severe* [In the Far North]. Sverdlovsk: Kn. izd-vo Publ., 1953. 151 p. (In Russian)
19. Panov I. S. *Rasskazy i povesti* [Stories and novellas]. Molotov: Molotovgiz Publ., 1950. 286 p. (In Russian)
20. Panov I. S. *Urman* [The Urman]. Sverdlovsk: Sredne-Ural. kn. izd-vo Publ., 1965. 431 p. (In Russian)
21. Perevalova E. V. *Ostyako-vogul'skiye myatezhi 1930-kh gg.: Byli i mify* [Ostyak-Vogul revolts of the 1930s: True stories and myths]. *Yezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2016, no. 10 (1), pp. 131–146. (In Russian)
22. Podlubnova Yu. S. *Izobrazheniye malykh narodnostey Severa v uralo-sibirskikh travelogakh 1930-kh gg.* [Depiction of small nations of the North in Ural-Siberian travelogues of the 1930s]. *Medialingvistika. Sbornik materialov I Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Medialinguistics. Collection of materials of the I International Scientific and Practical Conference]. Saint-Petersburg: Gosudarstvennyy universitet Publ., 2016. Pp. 242–244. (In Russian)
23. Podlubnova Yu. S. *Malye narody Severa v travelogakh ural'skikh pisateley 1930-kh godov* [Small peoples of the North in travelogues of Ural writers of the 1930s]. *Medialingvistika* [Medialinguistics], 2017, no. 3 (18), pp. 77–89. (In Russian)
24. Semenov A. N., Semyonova V. V. *Types of cultural (artistic) consciousness* [Types of cultural (artistic) consciousness]. *Etnosotsial'naya i politicheskaya struktura rannefeodal'nykh gosudarstv i narodnostey* [Ethnosocial and political structure of early feudal states and nationalities]. Saint-Petersburg: Izdatelskaya programma API Publ., 2010. 484 p. (In Russian)
25. Golovnyov A. V., Osherenko G. *Siberian Survival: The Nenets and Their Story*. Ithaca; New York: Cornell University Press, 1999. 176 p. (In English)
26. Leete A. Religious Revival as Reaction to the Hegemonization of Power in Siberia in the 1920s to 1940s. *Asian Folklore Studies*, 2005, no. 64, pp. 233–245. (In English)
27. Leete A. The Role of Customary Law in the Kazym War: Women and Sacred Rules. *Studies in Folk Culture*. Tartu: Tartu University Press, 2003. Vol. 1. Pp. 23–45. (In English)
28. Leete A. Reconsidering the Role of Shamans in Siberia during the Early Soviet Era. *Shaman*, 2015, no. 23 (1–2), Spring/Autumn, pp. 89–108. (In English)
29. Toulouze E., Vallikivi L., Leete A. *The Culture Bases in the North: Sovietisation and Indigenous Resistance*. Northern Studies Monographs, 2016. Available at: <https://hal-inalco.archives-ouvertes.fr/hal-01275689> (accessed February 27, 2024). (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ершов Михаил Фёдорович, ведущий научный сотрудник, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок (628011, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, д. 14А), кандидат исторических наук, доцент.

mfershov@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-8518-4368

ABOUT THE AUTHOR

Ershov Mikhail Fyodorovich, Leading Researcher, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (628011, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Mira Str., 14A.), Candidate of Historical Sciences, Associate Professor.

mfershov@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-8518-4368